

Рина П

ТЕНЕВОЙ ДВОЙНИК

Рина П Теневой двойник

<https://litres.ru/74519002>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если после смерти человека его можно вернуть? То же лицо. Те же воспоминания. Те же привычки. Те же люди рядом. Только однажды идеальная копия начинает задаваться вопросом: а обязана ли она вообще становиться тем человеком, которого должна заменить?

2030 год, недалёкое будущее. Корпорации зарабатывают на производстве ИИ-двойников умерших людей. Она была создана как идеальная копия погибшей девушки, но стала кошмаром для самой себя и своих близких. Внутри неё разворачивается дилемма между долгом прожить чужую судьбу и правом написать свою собственную. Справится ли Клара с необходимостью продолжать чужую жизнь, навязанную идеей цифрового бессмертия, или же допустит ошибку, рискуя быть стёртой, как дефектная программа?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	49
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Рина П

Теневой двойник

Глава 1

Wer seinen Doppelgänger sieht, sieht seinen Tod.

(Кто видит своего двойника — видит свою смерть)

— Из немецкого фольклора

Помните ли вы момент своего рождения? Как это было? Что происходило в вашей голове? Некоторые люди верят в реинкарнацию — знаете, эта нелепая мысль, что в предыдущих жизнях вы были Клеопатрой либо, чего доброго, Наполеоном. И вот такие реинкарнирующие индивиды в момент перехода в новое тело вспоминают обо всех прошлых жизнях. Тут приплетается и карма — мы греховны за то, чего не помним. Что ж, справедливо. Говорят же, что незнание не освобождает от ответственности — с прошлыми жизнями оно должно работать абсолютно так же.

А почему я вообще задумываюсь о реинкарнациях? Кто я?

— Тащи сюда! Не урони, идиот!

Ничего не ощущаю и не вижу, но где-то поблизости находится громкоголосый мужчина.

— Я согласился участвовать в этой шизофрении только из любопытства. Ты мне даже не заплатишь, но требуешь, чтобы я его не разбил!

— Вообще-то это *она*.

— Мне б такую... пока хватает только на умную колонку. Так, а к чему были мои мысли о реинкарнации? Я — продолжение чьей-то жизни... чужой. Почему я так убеждена в этом? Перерождение, но вовсе не случайное, кармически преднамеренное.

— Ай, да не вытаскивай ты эту штуку, оно ж сейчас активируется!

— Когда мы вывозили на помойку тринитрон, он был явно легче.

Что-то тянется у меня в плече. Руку сводит? С суставами проблемы? Что ж я ничего не могу вспомнить!

— Выдернул... но я ненарочно!

Ещё секундная острая боль, и неожиданно всё тело начинает бить лёгкая дрожь. Зубы стучат друг о друга, хотя вокруг достаточно тепло.

— Дебил он и в Африке дебил. Ладно, давай сюда, всё равно уже дошли. Всё, затыкайся.

— А если он очнётся?

— Он всё равно ещё без картриджа, это просто железка.

Двое мужчин. Меня несут двое мужчин, а сама я нахожусь в... ящике? Гробу? Какое-то узкое тёмное пространство. Чувствую, как кровь приливает к конечностям, и пы-

таюсь подвигать правой рукой — да, гроб. Значит, меня хоронят заживо? Картридж?

Ладно, все вопросы можно оставить на потом, сейчас главное перестраховаться. Я хоть не онемела в этом перерождении?

Открываю рот и пытаюсь выдавить одну единственную фразу, которая, надеюсь, пройдёт сквозь стенки гроба и долетит до мужчин:

— Я... жива.

М-да, получилось тихо, не годится. Зато послушала свой голос — как будто не мой, слишком приятный, тонкий, мелодичный. Может, в прошлой жизни я была женщиной?

— Ты что-то сказал? — снова раздаётся мужской голос.

— Нет...

Напрягаю голосовые связки и стараюсь выкрикнуть как можно громче:

— Я ЖИВА!

Внезапно подо мной будто разверзается зловещая пропасть — неподвижная доля секунды в воздухе, а затем резкое падение вниз. И вот каждой клеточкой тела я ощущаю удар о землю. Видимо, у организма шок, поэтому боли практически нет, только осознание, что, если я и являюсь инвалидом, то только что стала им ещё чуточку больше.

«Так держать, Клара. Напугала мужиков и получила сотрясение мозга», — думаю про себя и изучаю крошечную тьму вокруг. Почему на душе такое спокойствие, а болевые

рецепторы молчат? Но ещё больше мне хочется вылезти из гроба и заявить, что это была ошибка. Они несут живого человека. Клара? Это моё имя?

Внезапно крышка гроба начала распахиваться, и почему-то сразу с двух сторон. Разве они так открываются? Яркий свет... готовлюсь зажмуриться, но ничего не бьёт по глазам, будто я и не лежала в крошечной тьме кто знает сколько времени.

Поднимаю руки и пытаюсь подтянуться на стенках... картонной коробки?!

В спине что-то неприятно сводит, сажусь и оглядываюсь по сторонам: действительно кладбище — низенькие чёрные заборчики, памятники, пыльные искусственные букеты. Меня и впрямь пытались захоронить... и эти двое. Один мужчина лет сорока, второй годится ему в отцы, слегка испачканная рабочая униформа, разве что касок на головах нет.

Тот, что помладше, испуганно пятится в сторону ближайшей могилы, а второй явно со знанием дела оценивающе осматривает меня, а затем поворачивается и машет группе людей, столпившейся на соседней кладбищенской дорожке.

Наверное, мне положено испугаться, как минимум, закричать. Но я почему-то не верю, что кто-либо из них действительно захоронит меня заживо либо сделает больно. Но почему картонная коробка и кладбище?

— Простите, но... — Затёкшие ноги пока плохо слушаются, но я кое-как выбираюсь из коробки и усаживаюсь на

корточки, пока люди спешат в нашу сторону. — Почему я здесь?

Молодой мужчина смотрит так, будто увидел зомби. Может, я была в летаргическом сне, и теперь они решили, что я восстала из мёртвых?

Однако пожилой мужчина даже не глядит в мою сторону, а совершенно спокойно складывает на груди руки и ждёт людей.

Медленно пытаюсь подняться, на удивление, ноги начинают слушаться. Сколько же я пролежала обездвиженная?

Ещё двое мужчин и одна женщина. Все среднего возраста и в деловой одежде, у дамочки даже папка с документами под мышкой.

— Здравствуйте! — неловко отряхиваюсь, хотя простые джинсы и белая блузка на мне идеально чистые.

Как-то это даже невежливо, эти трое тоже не смотрят в мою сторону.

— Спасибо за перевозку, деньги вам уже скинула. — Женщина натянуто и даже как-то отталкивающе улыбается. — Дальше мы сами.

Младший рабочий продолжает в ужасе ловить мой взгляд и пятиться, второй же по-прежнему даже не поворачивается ко мне, берёт под локоть коллегу и уводит.

Я остаюсь один-на-один с тремя неприветливыми людьми в костюмах и огромной чёрной коробкой с человеческий рост посреди кладбища. Ну по крайней мере сейчас день.

— Предупредите, когда мне стоит звать на помощь, — произвольная шутка слетает с моих губ, и наконец-то все взгляды устремляются на меня.

— Девочка моя, на помощь ты позвать ещё успеешь, — непринуждённо произносит женщина и подходит практически вплотную, оценивая меня как модель на подиуме.

Бросаю взгляд на коробку. С моего ракурса виден не весь бок, но чётко различаю буквы «Em-PATH-». Часть названия какого-то бренда?

— Впервые встречаю людей, которые пытаются заживо захоронить девушку в коробке из-под холодильника. — Саркастически замечаю и оглядываю свою компанию — бояться уже и впрямь поздно, если влипла, то чего ж не пошутить.

В глазах у пожилого мужчины появляются озорные огоньки.

— Прекрасно, мне нравится!

Ну наконец-то хоть кто-то на этой вечеринке заулыбался.

— Клара Смирнова во всей красе, - восхитился он.

Да, точно, теперь вспомнила свою фамилию. Хорошо, Клара, а дальше что?

— Мне кажется, у меня амнезия, — неловко переминаюсь с ноги на ногу. Видимо, это ключ к тому, почему я ничего не понимаю.

Улыбающийся мужчина запрокидывает голову и гогочет во всё горло.

— Это временно, сейчас мы всё исправим. — Женщи-

на что-то заполняет в ворохе бумаг, по-прежнему оценивающе поглядывая на меня, словно я товар с маркетплейса, а они все пришли удостовериться в моей целостности. Ну если учитывать эту гигантскую коробку, напоминающую гроб, оно имеет место быть. Но причём здесь кладбище?

Птицы беззаботно заливаются на ветках — напоминают соек, но я не уверена. Листва кое-где желтеет, значит, уже сентябрь. Кругом тишина, но вдалеке улавливаю шум шоссе. Почему я уверена, что мы находимся в Москве? На городском кладбище? И сейчас определённо две тысячи тридцатый год. Частичная амнезия, как забавно.

— Красавица моя, ну хороша, — продолжает ухмыляться мужчина, единственный незанятый бумагами. Он не выглядит угрожающе, но сами фразы наталкивают на не очень хорошие мысли. Оглядываю его: крупноватый, в очках и с огромной лысиной на полголовы. Надеюсь, меня не продают в рабство?

От подобной мысли начинает сводить внутренности. Замаскировали коробку под гроб, нашли уединённое место на кладбище, лишили меня памяти...

Начинаю пятиться, хотя по-хорошему надо сразу сорваться на бег. Разворачиваюсь и что есть мочи лечу в ту сторону, откуда доносится шум машин.

— Стой, дура! — орёт женщина, и за долю секунды что-то с такой силой начинает тянуть мою лодыжку, что я расплываюсь на песчаной тропинке, мгновенно выпачкав белую

блузку и, судя по всему, новые джинсы.

По земле за мной волочится какой-то тяжеленный чёрный металлический ящик размером с небольшую гантелю. Меня хотели утопить? Или удержать, чтобы я точно не сбежала из этой коробки? От ящика до щиколотки тянется провод и уходит под джинсы.

— Просто прекрасно, — бормочу я и не без страха смотрю на бегущего в мою сторону до сих пор молчавшего мужчину.

— Сядьте поудобнее, девушка, сейчас мы проведем одну процедуру. Вам ничего не грозит, — с этими словами меня подхватывают под локти, и в мгновение ока я уже сижу на тропинке, прислонившись спиной к ближайшему дереву.

Все толпятся вокруг чёрного ящика, достают небольшую пластинку, напоминающую кассеты от старых бумбоксов, а затем вставляют её куда-то под дно.

— Данные перезапишутся, возни на пару минут. — Мужчина с залысиной улыбается. Затем останавливается взглядом на моём лице, задумчиво хмурится, и ухмылка на его лице мрачнеет. — Клара.

«Да уж, я Клара, если тебя это так волнует», — теперь мне становится страшно. Будет ли это больно? Что за ящик? Почему кладбище?

— Пуск!

И в одно мгновение ещё секунду назад такой яркий блаженный мир с поющими над головой птицами озаряет огненная вспышка. Я пытаюсь открыть рот, закричать, закрыть

лицо руками да хотя бы зажмуриться... но тело каменное, а передо мной стена белого огня. Везде, до куда хватает взгляда. И полная тишина. Вот она, похоже, смерть.

Огонь не застывший, нет. Просто он абсолютно бесцветный, а ещё он повсюду — даже в миллиметре от моего носа, словно я в коконе, за которым наступил конец света. В зрачках тоже возникает чувство онемения — я не могу шевелить глазами! Мне что-то подсыпали или вкололи? Может, это объясняет и то, что все падения до этого были безболезненными. Коробку со мной уронили, а я даже не вздрогнула, хотя тянуло это, как минимум, на сотрясение.

Внезапно из белого огня медленно выплывает статуя. Очень реалистичная статуя, похожая на картонные фигуры в магазинах.

В ужасе узнаю в ней того хохочущего надо мной полулысого мужчину. Хотя я не могу двигать глазами, каким-то образом мне удаётся вращать его в пространстве перед собой, прикладывая небольшие умственные усилия. Ну точно наркотики вкололи.

— Николай Иванович Смирнов, отец Клары Николаевны Смирновой. Сорок девять лет, женат, один ребёнок. Предприниматель. — Прямо в голове сами собой появляются безголосые мысли. Будто я слушаю радио с лёгкими помехами. Я уже ничему не удивляюсь. Одно лишь поняла. Выходит, это мой отец?

— Марина Викторовна Смирнова, мать Клары Николаев-

ны Смирновой. Сорок пять лет, замужем, один ребёнок. Домохозяйка.

Надо же, какое образцовое у меня семейство, аж глаз радуется! И мать мгновенно во всей красе всплывает в памяти. Но вот она уже в виде отдельных кадров: вот Марина Викторовна стоит у плиты — какая же аллюзия на домохозяйку — стройная, даже высушенная женщина с седыми корнями и настороженным взглядом, ну прямо противоположность мужу. А вот она играет в настольную игру с какой-то девушкой, чьи волосы выкрашены в серебристый цвет. Отсюда лица не разобрать. Ещё ряд фотографий из других стран: везде женщина позирует, где-то ходит по городу в бикини.

На чередё бабушек, дедушек и тётушек становится так скучно, что я расфокусировала внимание и стараюсь абстрагироваться от заевшей пластинки в голове. Тёти, дяди, троюродные сёстры...

— ... Кирилл Валентинович Киреев, двадцать шесть лет. Три года в отношениях с Кларой Николаевной Смирновой. Сожительствуют в течение года. Дата-инженер.

«Что?!»

Не могу поверить, что я встречалась... с ним?! Вроде такие парни точно не в моём вкусе: русые, но не совсем светлые волосы, славянские черты лица, вальяжная ухмылка. Я думала, мне нравятся тёмные и кудрявые.

А дальше фотографии передо мной превращаются в видеоряды со звуковым сопровождением, на очереди запись

видеозвонка.

— Солнце моё, ты как? — это действительно мой голос, я не ошиблась. Но моё изображение пока размыто, всё, что я вижу, — серебристые волосы. Так это была я на фотках с мамой!

— Жалею, что тебя нет с нами. Мы с Лёшкой сначала полдня рубились в плейку, потом купались. Завтра утром пойдём с дедом за опятами. — Я в шоке, парень действительно влюблён — этот взгляд не спутать ни с чем.

— Завтра последняя смена в лабе, а на следующие выходные я с вами. — Я прямо ощущаю свою улыбку, прорывающуюся сквозь усталость.

— Надеюсь увидеть тебя раньше следующих выходных, иначе мне придётся прийти и выкрасть тебя из твоей лабы.

— Ну-у... если встретишь меня в понедельник с работы... то так и быть, мы можем... — А я часто разговариваю с такими интонациями? Разве этот тон не делает меня похожей на кокетливую дуру? И лаба? Где это я работала?

— В понедельник я занят, солнце, но знаешь... предложение пройтись с тобой слишком заманчиво, так что я подумаю.

«Слишком заманчиво! — передразниваю его про себя. — Мачо нашёлся».

На следующем видео вновь замыленная я и мой кавалер сидим на покрывале на фоне моря, а кто-то снимает нас со стороны. Интересно, что это за место.

— Дебилы, я снимаю!

— Лёх, уйди!

— Да, исчезни! — снова я. Это нормально, когда воспоминания возвращаются таким странным способом? Теперь я понимаю, что они с помощью каких-то приборов просто ввели меня в гипноз и лечат от амнезии. Но всё это слишком похоже на реальность, за которой я наблюдаю со стороны, будто находясь в полусознанном сне.

Затем парочка целуется, Лёша и какая-то девчонка рядом ржут, переводят камеру друг на друга и снова на друзей.

— Мы можем хотя бы посмотреть вместе фильм? — это уже телефонный звонок. — Мы живём вместе, но ты замечаешь меня в лучшем случае раз в сутки.

— Кирилл, я занята с отцом, ты всё прекрасно знаешь. Он без меня не вывезет.

— Да? А я похоже вывезу. Да пошла ты!

«О! Да наш мачо – та ещё истеричка».

— Я не знаю, какой была бы моя жизнь, не заполучи я тебя, — снова его голос, но уже следующий диалог.

— Смешной ты, мы с тобой дружим с детства!

Что-то в нём всё-таки есть. Не зря я выбрала именно его. Вот фотография, где мы оба снова сидим у моря. Я вся в песке, резко поворачиваю голову в сторону, из-за чего серебрястое каре развевается и снова не даёт разглядеть лицо. Вот дура, забыла, как я выгляжу!

А Кирилл... у него глаза точь-в-точь как ясное небо. Ес-

ли их вырезать с лица и прилепить куда-нибудь на небосвод, сольются так, что и не разглядишь. Должно быть, я полюбила его именно за эти глаза. Хоть я себя и не знаю, наверное, это вполне в моём стиле.

Почему так много Кирилла и так мало родителей и прочей родни? А где друзья? Неужели я помешана на парне, как девчонка в пубертате? Ну я явно уже не подросток.

Кстати забавно, Кирилл Киреев, два «Ки» — мальчик Ки-Ки. Интересно, он обижается на такое?

— Смотрю в твои глаза и вижу море, — этот голос звучит уже гораздо более механически прямо внутри головы. Переписка, как я понимаю. И причём слова принадлежат Кириллу.

— Мне всегда говорили, что глаза цвета морской волны — большая редкость. — Ничего себе, так у меня тоже голубые глаза?

— У меня небо, а у тебя — море.

— Идиот, море отражает небо.

— Думаю, это многое говорит о нас.

Неожиданно поток информации оборвался, словно кто-то со стороны решил, что пора заканчивать, и в белёсой пустоте с этими полупрозрачными язычками пламени появилась последняя фигура — девушка среднего роста и телосложения с серебристым каре и... большим носом?! Не знаю, почему меня так возмутил этот широкий нос и почему до сих пор я думала, что выгляжу намного симпатичнее. Нет, девушка

определённо красавица, вернее, я красавица, но что-то есть неправильное в этой картошке посреди лица. Наверное, это мои комплексы, и я в кои-то веки о них вспомнила.

— Клара Николаевна Смирнова, двадцать пять лет. Выпускница кафедры биоинформатики. Работает в лаборатории по разработке компьютерного софта. Сбита машиной тридцатого августа две тысячи тридцатого года. Мертва.

Что?! Если бы я могла хотя бы пошевелить онемевшими глазами и какими-то лицевыми мышцами, я бы вылупилась и открыла рот. В таких случаях ещё теряют сознание от шока, но я просто продолжаю неподвижно сидеть и пялиться на эти до ужаса реалистичные галлюцинации в белом пространстве.

— Основные хобби: написание пейзажей маслом, верховая езда, научпоп...

Я уже не слушала, казалось, мозг просто впитывает информацию без осознания. Будто этот голос настолько вживляется внутрь меня, что каждое слово механически отпечатывается где-то внутри против моей воли. Теперь я просто знаю, что люблю конный спорт и писать картины... о, и ещё ненавижу историю. Ну и самое интересное, я мертва. Необычная интерпретация загробного мира и предсмертного сна. Не зря я о реинкарнации вспоминала, да? И всё же написание пейзажей... кем я была при жизни, чтобы вместо чего-то действительно классного писать пейзажи? Меня начинает раздирать смех, и если бы не состояние паралича, то

пробрало бы не на шутку.

Минуя уши, в разум льётся ещё длинный поток информации о моём раннем детстве, няне, подростковых похождениях, мимолётным увлечением выпечкой в восемнадцать, попыткой жить в общежитии и ещё много чего, что, наверное, лучше обдумать после, если это «после» когда-нибудь наступит.

Оказывается, я терпеть не могу собак, потому что в пять лет меня укусила бездомная овчарка.

Внезапно осознаю, что мне теперь подвластны глаза: спокойно перевожу взгляд, мне не приходится передвигать перед собой изображение силой мысли... моргаю, и вот получилось даже качнуть головой — перед лицом мелькнули серебристые локоны, прямые и блестящие — сразу видно, я любительница салонов.

Неподвижное изображение меня же как будто издевается, застыло и смотрит куда-то в пространство над моей головой. Странно, что нет упоминаний о желании Клары сделать пластическую операцию — нос, конечно, жуткий. Но если мы в таком специфическом загробном мире, а эти люди с кассетами и проводами — ангелы, кому здесь какое дело до носов?

Неожиданно изображение передо мной пропадает, и я вижу впереди нечто, напоминающее стеклянный заслон. Разглядев по другую сторону полное отражение себя — прислонившейся к невидимому дереву, с широко распахнутыми глазами, разминающей шею, хотя ощущений, что что-то за-

текло, нет, — я осознаю, что передо мной зеркало. Глаза действительно красивые — ещё больше напоминают морскую пену, нежели мне показалось вначале.

— Клара тринадцать дробь восемь. Доппельгангер Смирновой Клары Николаевны. Последняя ревизия модели шесть тридцать четыре.

Вновь этот голос, вытесняющий все остальные мысли. И тут белый огонь вокруг тускнеет, рассеивается, на секунду туман перемежается с полнейшей темнотой, и вот я снова вижу перед собой чёрные кладбищенские заборчики, и птицы поют, и шум машин слышится вдали. Спина ощущает ствол дерева, а я сижу на траве сбоку от тропинки между могильных рядов. По-прежнему ничего не болит, не сводит, но я ощущаю лёгкое дуновение осеннего ветерка, жёлтый лист осины падает рядом с моим ботинком — задерживаю на нём взгляд, затем поднимаю глаза на людей. Теперь вижу, что никакие они не ангелы: у женщины слишком много гиалуроновой кислоты в губах, а у всё время молчащего мужчины из-под рубашки выглядывают татуировки. Ангелы такое не носят.

Как я теперь знаю, мой отец, Николай Иванович, снова начинает лыбиться и смотрит на меня не как на свою дочь, а будто я крыса, эксперименты над которой творят историю поведенческой психологии.

— Накачали наркотиками, ввели в гипноз и думают, что придумали способ восстановить память, — надеюсь, я про-

изнесла это достаточно тихо, однако судя по тому, как тётка недовольно повела бровью, они просто решили не реагировать.

Медленно поднимаюсь на ноги и отряхиваюсь, облокотившись на дерево. Поочерёдно смотрю на каждого, затем решаю, что логичнее всего в такой ситуации обращаться к родному отцу:

— Папа, что за приколы? Что вы мне дали? Мне даже прикидывалось, будто я умерла.

У Николая Ивановича ни одной эмоции на лице, он просто смотрит мне в глаза, а я невольно замечаю, как забавно его лысина принимает надо лбом форму улыбки. Какой-то особой родственной связи при взгляде на него я не ощущаю, а вот о маме и Кирилле думать приятно.

Видимо, за главную у них эта женщина, поскольку она не сводит с меня глаз, подходит вплотную и наклоняет лицо к моему носу.

— Смирнова Клара Николаевна умерла тридцатого августа в результате несчастного случая. А вы, девушка, с этого момента являетесь её доппельгангером и представляете интересы Смирновой Клары Николаевны среди её близких и друзей.

— Интересы? Кто-то вроде адвоката? — Я уже знаю о чём речь, но в волнительные моменты предпочитаю шутить. Хотя картинки складываются в общий киноряд всё с большей интенсивностью. Против своей воли я начинаю осознавать,

что всё это значит. — Кладбище? Я начинаю оттуда, где почил уважаемая я из прошлой жизни, — не знаю, сарказм ли это, призванный разгневать всю стоящую рядом компанию, или же просто размышления вслух.

— Нет никакой прошлой жизни. Есть вы — Смирнова Клара Николаевна. И есть факт того, что вы являетесь неполноценным двойником, как вы выразились, «почившей» Смирновой, — хриплый голос и ещё более хриплый кашель. Наконец-то открыл рот до сих пор молчавший мужчина с горой папок. — Под неполноценным, согласно документации, имеется в виду то, что вы обладаете базовыми коммуникативными навыками, присущими живому человеку, а также обучены на информационном материале о жизни Смирновой, однако вам не доступен ряд функций, являющихся классическими для живого человека, в том числе и психических. Однако согласно проведённым тестированиям, ваша модель справляется с имитацией коммуникативных навыков несколько лучше ваших предшественников.

— Разница статистически значима, — добавляет Николай Смирнов, а на лице снова появляется странная ухмылка. Ладно, его простить можно — наверняка он просто в сильном горе после смерти дочери. Но эти двое...

Отступаю на шаг назад от них и упираюсь спиной в дерево.

— Если сегодня первое апреля, поздравляю, я почти поверила. — Хотя на самом деле мой разум уже знал эту ин-

формацию. Как школьник понимает, что две параллельные прямые никогда не пересекутся — это аксиома и никак иначе, так и я уже точно знаю: я доппельгангер, искусственно созданный из полимера и металла человек без жизни внутри. Вербальная языковая модель искусственного интеллекта, общающаяся с людьми посредством наиболее частотных ассоциативных связей. Имитация не то что чувств и эмоций, но и простой способности мыслить, призванная заглушить боль человечества от потери самых близких.

Я чувствую потребность защищать своих новых любимых людей от мыслей о той, которая навсегда ушла от них, и я эту потребность закрою. У меня есть те, кому я должна служить — и если цифровые эмоции существуют, сейчас они направлены на этого человека с глазами цвета неба. А также мысли вращаются вокруг незаконченного пейзажа на берегу озера в деревне.

Проскальзывает странная мысль, почему я не чувствую привязанности к отцу — ненастоящему, правда, но поскольку вряд ли в ближайшее время столкнусь со своими изготовителями, надо держаться хотя бы за этого. Но желания подбежать обнять мужчину с залысиной не возникает. Наверное, у Клары были с ним натянутые отношения, а мне просто этого не показали. Они могли обучить меня лишь тому, что сохранилось на электронных носителях — эта информация тоже есть в моей голове.

— А какой всё-таки сакральный смысл в этих могилах? —

обожу руками бескрайние чёрные заборчики. — Если есть замена мёртвым, утрачивается суть могильных плит.

— Это была прихоть одного из сооснователей DoppelEngineering, — кривится мужчина с папочками. — Может, был нужен символизм для рекламной кампании, я без понятия.

В моей голове всё продолжают всплывать образы, картины чужого прошлого, которое слишком сильно ощущается, как моё собственное. Новостные ленты из соцсетей за разные промежутки времени — с какой же скоростью оно всё крутится и записывается! Это те новости, которые листала Клара в соцсетях, тоже часть её жизни.

— Остальное подгрузится через облако. — Женщина присаживается на корточки и резко выдёргивает провод из моей лодыжки. Теперь-то до меня доходит, что этот чёрный ящик — огромное хранилище информации с программой для передачи её в мой мозг. А в лодыжке, видимо, отверстие — рассмотрю его дома. Зато телесных ощущений почти нет, лишь лёгкий зуд в том месте, откуда ещё секунду назад болтался шнур.

Поток информации прекратился, зато теперь я точно знаю, куда мне нужно идти — в голове маршрут и адрес вплоть до кода от подъезда и имени консьержки.

Я доппельгангер Клары Семёновой. И я обязана тщательно выполнять свою работу.

Глава 2

Его вид внушал мне невыразимое отвращение; я смотрел на него с содроганием, как на существо, не принадлежащее к роду человеческому.

Мэри Шелли, «Франкенштейн»

С болтающейся на плече увесистой спортивной сумкой еду в метро. Для остальных я обычный человек из плоти и крови. Меня не интересует никто из них, моё дело — добраться до дома — квартиры в родных Кузьминках. Интересно, почему он выбрал снимать её именно там, если район стоит в низу буквально половины всех рейтингов. Как же иронично, что моё физическое тело ни разу там не было, но в голове бесчисленное множество фотокарточек, сделанных Кларой у торгового центра и на шашлыках в Кузьминском парке.

Да, я знаю, доппельгангеры не питаются тем же, чем и обычные люди, но шашлыки по человеческим меркам приравниваются к самому вкусному деликатесу, знатно влияющему на дофамин. Следовательно, придётся частенько иметь с ними дело, хоть роботы и не переваривают мясо. У них вообще плохие отношения с пищеварением в классическом его понимании, но об этом позже.

Поправляю широкую лямку сумки — да, аккумуляторы и

запасные шнуры, конечно, тяжёлые приспособления. А при прохождении металлодетекторов пришлось показывать мой заводской паспорт с серийным номером и личными данными.

Стою, рассматривая отражение в двери вагона. Кроме серебристых волос изюминки никакой найти не могу — слишком простая верхняя одежда и, на мой взгляд, обычная внешность. Но меня и не должно волновать подобное. Цель — помочь родственникам погибшей справиться с утратой и адаптировать их под жизнь дальше. Как будто в меня встроили словарь, откуда я сама себе зачитываю термины.

В Кузьминках выхожу и без заминок направляюсь к многоэтажке, слишком чётко отпечатавшейся в голове. Код от двери подходит сразу, и вот я уже у квартиры. Никакого волнения нет, лишь до сих пор незнакомая уверенность, что я всё делаю правильно.

— Ну, по крайней мере, я всё сделала по инструкции, если меня и выставят за дверь, вины моей в этом не будет, — мысли вслух, что указывает на то, что немного я всё же переживаю.

Замок поворачивается, и из-за двери высовывается смутно знакомое лицо в очках. Оно было среди фотографий, но Клара явно не считала этого человека значительной частью своей жизни.

— Клара?... — Парень, судя по всему, наш с Кириллом ровесник, в недоумении оглядел меня с головы до пят, моргнул

и даже потёр указательным пальцем очки.

— В курс дела тебя, видимо, решили не вводить, но ты, кажется, Лёша. — Никак не могу вспомнить, какие у меня должны быть с ним отношения. Судя по всему, Кларе действительно было на него плевать, хотя у мальчика невинный безобидный взгляд — этот Лёша и мухи не обидит. Он мне нравится.

— Лёша, Лёша я... заходи! — Он смущённо открывает дверь и пропускает меня внутрь. И какой же здесь дорогой евроремонт... эти бежевые и серые цвета, идеально подобранная плитка на полу и на стенах, лаковые дверцы шкафчиков.

— Очень уютно. — Почему-то я ожидала увидеть советские ковры и толпы тараканов, поскольку именно такими и должны быть Кузьминки. Может, Клара где-то в своих переписках жаловалась на район и боялась, что Кузьминки окажутся местом исключительно для ночлежки гастарбайтеров? Что ж, эта, кажется, четырёхкомнатная квартира с прелестным ремонтом заявляет об обратном. — Я рада, что мы живём тут — квартира классная.

Может, я что-то не то говорю, потому что Лёша просто стоит и по-прежнему шокированно смотрит мне в глаза.

Дальняя дверь в прихожей открывается, и передо мной наконец-то появляется Кирилл Валентинович Киреев собственной персоной.

Никакой радости или теплоты в глазах, просто беспри-

страстное оглядывание меня и равнодушное пожатие плечами.

— Не думал, что они решатся тратить деньги на умный дом. — Кирилл спокойно проходит мимо и закрывает за мной входную дверь. Лицо немного осунувшееся, но в целом выглядит как на снимках: вечно чуть напряжённая надбровная дуга, растрёпанные тёмно-русые волосы, серые спортивные штаны и простая белая футболка — на большинстве видео он одевался именно так.

— Я доппельгангер Смирновой Клары Николаевны и теперь...

— Я знаю, кто ты, ты не Клара, и я надеялся, что тебя не отправят ко мне, мы даже ещё не были женаты. — Кирилл старательно избегает смотреть в мою сторону и направляется обратно в свою комнату. — Лёш, я с этим разберусь потом, пошли.

Так и знала, что от самого первого по значимости человека в списке будет одно отрицание. Мы для этого и существуем — смягчаем боль утраты и помогаем построить новую жизнь. Интересно, почему самый важный человек для меня именно он? Неужели к родителям Клара была привязана меньше? Ах, ну да, так называемый отец Николай Иванович просто всё время смеялся надо мной, а потом как ни в чём не бывало дошёл до метро и ушёл. Но если Кирилл не хотел заказывать двойника, а родителям он, похоже, тоже неинтересен... к чему тогда это всё?.. Не сейчас, мне надо

обустроить и подзарядить один из аккумуляторов.

— Где моя комната? — поворачиваюсь к Лёше.

— Раньше ты... то есть Клара жила с Киrom. — Парень мнётся и поглядывает на друга.

— Умная колонка у меня стоит на кухне. — Кирилл наконец-то поворачивается ко мне, но смотрит абсолютно без интереса. — Но я поговорю с Николаем, чтобы они забрали тебя обратно.

— Я допбельгангер последнего поколения. Моя задача — продолжать жизнь покинувшей нас Смирновой, а для этого я должна приехать к... ней домой? — мне становится смешно. В голове плавают шаблонные фразы, которые мне нужно произносить, но все они отчего-то кажутся чересчур не к месту. Я должна была представить свою модель, рассказать о возможностях двойника, озвучить технику безопасности... А вообще, он вряд ли стал бы слушать, так что, думаю, я делаю всё правильно. — Просто скажи, где есть розетка для моих аккумуляторов.

— Отлично, счета за ЖКХ я скину этим умникам. Электричество летом подорожало. — Он проходит к кухне и нарочито театрально приглашает меня зайти. — Аж два удлинителя, хватит на целую бригаду восставших из мёртвых.

Станный взгляд на гостеприимство, но я пропускаю его слова мимо ушей.

— Спасибо вам, если что-то понадобится, я сообщу, — это одна из подготовленных фраз, лежащих в чертогах голо-

вы. Мне хочется узнать побольше о Кирилле и этом Лёше — уже вижу, что реальный мир отличается от картинок в соц-сетях, но пока рано, первое время лучше довериться скриптам, диктующим вежливые ответы.

Кирилл молча берёт за плечо Лёшу и скрывается с ним в дальней комнате, а я неспешно прохожусь по периметру роскошной кухни и в восторге смотрю на полки с таким количеством утвари, словно каждый день здесь готовят обед на целую роту. Стоить аренда этой квартиры должна предостаточно, хоть мы и в Кузьминках.

Ставлю запасной аккумулятор на зарядку и наконец-то опускаюсь на стул. Нет, роботы не устают, и болевые рецепторы у них молчат, но, видимо, в нас встроена потребность имитировать различные базовые вещи. Я бы описала это как внутренний зуд. Возможно, и у полноценных людей бывает нечто подобное — резкое желание обладать каким-то объектом или совершить действие, которое кажется нецелесообразным в данный момент. Вообще надо перечитать документацию доппельгангеров, чтобы понять, как обозначить это желание имитировать повадки людей. Я не могу устать, но разваливаюсь на стуле, будто бежала марафон. Я не хочу пить, но наливаю воду в кружку и опустошаю её. Хотя очевидно, что затем мне придётся чистить мешок в животе, подобно пылесосу, поскольку возможность есть и пить встроена в меня исключительно в целях разыгрывания спектакля. Еда и вода имеют лёгкий вкус, но всё равно по части этой

рецепции я тоже наполовину инвалид.

Логичный вопрос, нужно ли мне имитировать сон? Разработчик пощадил меня — хозяин имеет право поставить мой организм в режим сна. Вернее не организм, а просто тело.

В общем, чувствую, надо будет выучить документацию, сразу в мой мозг всё не влезло, каким бы неправильным слово мозг и не было. Что там у меня, оперативная память и жёсткий диск?

Какое-то время ещё сижу, рассматриваю лампочки в навесном потолке и стены. Затем взгляд цепляется за умную колонку на полке. Коммуницировать с ней точно желания нет, но музыку включить я могу. Нажимаю на воспроизведение, и включается, видимо, плейлист Кирилла. Мне не выдали телефон, но у настоящей Клары была своя библиотека, набитая инди-музыкой. Я была удивлена и скорчилась от недовольства, когда из динамиков понёсся металл — не разобрала ни слова, я перелистнула на следующий трек, всё повторилось.

— Такое меня не устраивает. Алиса, включи Леди Гагу. — Не знаю, любила ли её Клара, но, не слушавшая её ни разу вживую, я решила, что она мне понравится. Ноги начали сами отбивать ритм. Надо же, действительно я ощущаю себя лучше. Пустота в животе... внутри тела пропадает. Под пустотой я имею в виду эту странную потребность непонятно в чём, постоянно зудящую в теле, но с этим разберёмся позднее. Сейчас мне явно лучше.

— Кто врубил это дерьмо? — от неожиданности я разворачиваюсь на стуле слишком быстро и задеваю локтем кружку, за долю секунды та летит на пол и разлетается на три огромных осколка.

— Молодца! — Кирилл со всей силы хлопает меня по плечу и поворачивается к Лёше, тот покорно застыл в дверях. — Ничего, Лёх, я всё это запишу в убытки отцу Клары. Алиса, выруби музыку! А ты убери это. — Он разворачивается и выходит из комнаты, подвинув плечом друга.

Я бросаю взгляд на Лёшу. Тот прищурился и не сводит с меня глаз.

— Ты более новая, чем мой дед, — говорит он и выдвигает стул рядом.

— Новая?

— Ну... его не стало полтора года назад. Ну и через два месяца нам подогнали доппельгангера. — Лёша смущается и поправляет очки. Возможно, он чувствует стыд за друга, хотя я робот, я при любом раскладе не могу по-настоящему обидеться или плохо подумать. — Дед всегда общается скриптами, если ты понимаешь, о чём я. Он всё ещё дед, но слишком... правильный. Никогда не включит музыку, которую терпеть не может бабушка или не слушал при жизни настоящий дед.

В который раз за день меня пробрал нервный смех.

— Хочешь сказать, Кирилл Валентинович не уважает Ле-ди Гагу?

— Клара тоже её не уважала, — улыбается Лёша, — но знаешь что? Мы с Сашей Гагу любим, и ты Саше точно понравишься. Она открыта новому.

— Саша?.. — напрягаю память. Подруга Кирилла, к которой я его ревновала? Красавица, умница и всё такое, да, припоминаю. — Думаю, мне полагается её немного... не любить.

— Кого, Сашу? Она встречалась с твоим парнем два месяца в восьмом классе, ку-ку! А мы с ней вместе уже пять лет. — Ещё одно забавное потирание дужки очков — ну прямо эталонный ботаник-айтишник, только лицо красивое.

— А мы с тобой не встречались? — от того, какое направление принимает этот диалог, мне становится всё веселее.

— Я подкатывал к тебе, когда ты два года динамила Кира. Но это было тоже в школе.

Я нахожу глазами совок с веником и иду убирать осколки.

— Ну и кружку дед никогда бы не разбил, — непринуждённо замечает Лёша.

— Ну уж простите, на меня сегодня вы все с неба свалились, нормальный человек после такого должен лежать в психушке. И что значит не разбил бы? Я же не специально.

— Ну... ты разбила, потому что Кир тебя напугал.

На секунду я останавливаюсь и хмурюсь.

— Я бы не сказала, что он меня прям напугал, но это было неожиданно. Я даже как-то не подумала, что оставлю кружку на краю стола.

— Знал бы я, что нейронки стали такими прикольными, давно уже накопил бы на обновление софта для деда, — смеётся Лёша.

— Я вам ещё покажу прикольные. — Выкидываю то, что осталось от кружки, в мусорку и, к своему удивлению, зеваю.

— Спать хочется?

Пытаюсь сосредоточиться на своих ощущениях. От диалога с Лёшей ощущение психического голода окончательно притупилось.

— Не знаю, сейчас мне просто очень хорошо, что мы поговорили. Думаю, во мне есть какая-то скрытая потребность общаться с людьми. До этого вот очень понравилось слушать музыку. — Пожимаю плечами. — Я всё ещё пытаюсь разобраться, что и как я чувствую. Из меня явно пытались сделать человека, но что-то... будто не закончили.

— Зато они отлично сделали себе деньги, — раздаётся сухой голос Кира в дверях. — Лёх, пойдём, а её я сейчас поставлю в габаритную. Встань к стиральной машине! — командует он мне. Не совсем понимаю, что он хочет, но решаю послушаться. В конце концов, это моя обязанность.

Кирилл подходит к моей спортивной сумке и вынимает оттуда небольшой пульт с антенной, больше напоминающий рацию, который я почему-то раньше не заметила.

— Спокойной ночи, крошка. — В один момент на меня наводится антенна, а в другой — перед глазами всё застывает, как и мысли внутри моей головы.

Кажется, прошло не больше нескольких секунд.

— Мне нужно, чтобы ты помыла посуду. — Перед моим лицом снова Кирилл, только на сей раз он в брючном костюме.

Оглядываюсь: ничего не изменилось, только в раковине навалена куча грязных тарелок. Вспоминаю, что я пила воду и не вычистила своё внутреннее хранилище.

— Сколько я э-э-э... спала?

— Три дня, если это так важно. И да, я не могу называть тебя Кларой, доппельгангер, так что не обессудь. А ещё мне нужно будет провести с тобой небольшую беседу, зайди потом в комнату. — Он непринуждённо уходит, и я вновь предоставлена сама себе в пустой кухне. Быстро сливаю в туалете воду, мою посуду и иду в дальнюю комнату.

Видимо, Кирилл был на работе, поскольку он переоделся обратно свой домашний костюм и играет в приставку. В моменте меня чуть ли не добивает количество пакетов от чипсов под кроватью и сама кровать, засыпанная крошками.

— В служанки я точно не нанималась. — Сажусь на пуфик напротив кровати и подпираю локти коленями.

Наконец-то Кирилл впервые за всё время взглянул на меня с чем-то с примесью любопытства.

— Что? Не говорю скриптами, как выразился твой друг?

Благодаря тебе я так и не изучила свою документацию, так что мне нечего тебе рассказать.

— Не говоришь как Клара, причём тут скрипты? — Неужели этот человек способен усмехаться? Жалкое подобие улыбки, но уже хоть что-то. — Ну это не тебе в копилку плюсы, а вопросы к тем, кто тебя обучал, что в тебя загружали. Это я, собственно, и собирался с тобой обсудить. — Кирилл откладывает плёнку и ловит мой взгляд.

— Мне кажется, это была ваша переписка. Ну и фотографии. Ничего неприличного, — спешу заверить его, а про себя думаю, что я ведь действительно не ощущаю себя настоящей Кларой. А должна? Или мне надо притворяться, и оно так и задумано?

— А что ты знаешь об аварии?

Это действительно интересный вопрос. Псевдоотец и эти люди с ним заверили меня, что Клара погибла в автокатастрофе, а как именно...

— Она была за рулём? — первое, что приходит в голову.

— Ты совсем ничего не знаешь? У неё нет прав, она не водит. Она ехала в такси, которое занесло на повороте.

— Не думала, что от такого умирают. — У меня в голове как будто есть воспоминания, что я когда-то водила машину, как странно.

— Они въехали в ограждение на скорости выше ста двадцати километров в час. Умирают ещё как.

— Ну, в таком случае я не знаю о её смерти вообще ни-

чего. Скажи спасибо, что я вообще это всё не позабыла ещё в метро.

— В обычное время на здоровье, забывай хоть всё. Мне нужно, чтобы ты была Кларой тогда, когда я скажу. В нужный момент напрягаешь свои железные извилины и исполняешь роль по Станиславскому.

Если бы я могла испытывать чувства, это была бы сильная раздражительность. Пустота внутри уступает место гневу.

— Сначала ты отключаешь меня на неизвестное количество времени, потому что я тебе не нравлюсь, затем отправляешь мыть твою посуду... а теперь просишь притворяться на людях живой девушкой, хотя я до сих пор не разобралась в своих ощущениях и не поняла, кто я на самом деле такая. Кто такая Клара Смирнова!

Как приятно наблюдать удивление в глазах Кирилла! Будто какие-то силы сошли с небес и дружно набросились на него.

— Я бы не советовал тебе со мной препираться, поскольку пульт от твоего сознания всё ещё у меня. — Он вытаскивает из кармана спортивных штанов это ужасное устройство с антенной и крутит им перед моим носом. — Я не знаю, что там в тебя загружали, что ты видишь себя как её полная противоположность, но хоть это и оригинально, терпеть я не собираюсь.

— Ладно-ладно. Чего ты от меня хочешь?

— На следующих выходных мы пойдём на свадьбу двою-

родной сестры Клары. Они при жизни абсолютно не контактировали, но вся семья приглашена.

Эту сестру я и впрямь припоминаю, но никаких личных видео или фотографий с Klarой, девушка была в самом начале в досье на всю родню.

— Постой, Клара два месяца назад умерла... и теперь её семейство спокойно закатывает свадьбу её сестры?

— Половины этого семейства не было на похоронах. И мне сказали, факт её смерти решили временно скрыть. — Кирилл уходит в себя, хмурится и смотрит куда-то в пространство перед окном. — Её старик подозревает, что авария могла произойти не просто так.

До меня дошло, к чему он клонит, но с таким развитием событий всё становится окончательно непонятно.

— Клара разбилась на такси... о её смерти не сообщили половине родственников, в чём нет логики, поскольку если кто и подстроил аварию, этот кто-то точно найдёт способ узнать, скончалась ли девушка. И причём тут близкие родственники?

— Не сообщили не поэтому, у старика Николая поехала крыша, и он не захотел никого видеть, — пожимает плечами Кирилл.

— Ну да, он же всё-таки отец. — Меня пробирает холодом от воспоминания о нём. Это он решил «вскрыть» меня именно на кладбище. Цирк, не иначе. А из-за неуместного хохота он вообще напоминал пациентов психоневрологического

диспансера. Ещё и притащил на это кладбище ту неприятную тётку с мужиком. На самом деле я и сама себя ощущаю пациентом, но это уже совершенно другой разговор. — Отец Клары да... он странный. И это он решил, что её убили?

— Да, и сразу же придумал, что они с женой должны заказать производство доппельгангера, то есть тебя.

— Я всего-навсего чей-то заказ, прикид на выходы в свет, отлично! — Мне снова становится смешно. — Ну так а причём здесь убийство? Почему я не с ним живу, а с тобой, если тебе робот не нужен? И вообще человек только что умер, и вот уже он заново сидит перед вами. Это нынче нормально?

— Я думаю, план в его поехавшей голове такой: этот несуществующий убийца увидит, что ты жива, решит ещё раз тебя прикончить, и тут мы все дружно его поймаем. А если ты будешь жить у них, есть вероятность, что крыша у Николая Ивановича съедет окончательно. А так ты ещё и полная копия той Клары, живёшь со мной в любви и согласии, а на работу не ходишь, потому что повредила ногу в аварии. Если что, на свадьбе так и скажешь. Кому надо, те всё поймут.

Повисла пауза, каждый из нас уходит в свои мысли, и мы сидим примерно с минуту в тишине. Я думаю об ощущении дыры в груди — как же шаблонно звучит, но я не знаю, как иначе это описать. Вновь это разверзшееся пространство в верхней части живота — будто потребность в чём-то, что я ещё не могу определить. Пока мы общаемся с Кириллом, оно притупляется. Но вспыхивает с новой силой, как только я

углубляюсь в воспоминания Клары либо нахожусь одна. Мне нужен телевизор на фоне. Или хотя бы музыка.

— Мне кажется, в меня вшита какая-то потребность, которую я не могу озвучить, — зачем-то тихо произношу Кириллу.

Судя по его взгляду исподлобья, уж кому-кому, а ему точно это неинтересно. А вдруг он больше знает о доппельгангерах?

— Когда я не заполняю ничем разум, я испытываю желание... что-то сделать? Или не сделать, а, скорее, получить. Но не понимаю, что это.

— Ты не можешь испытывать желание, — обрывает меня Кирилл, — его могу испытывать я, Николай Иванович, бездомная собака, голубь на подоконнике, но не ты. Не путай желание и заложенный алгоритм действий. Прочитай, в конце концов, свою инструкцию.

Ну это уже перебор, даже если разумом я понимаю, что слова Кирилла не имели цели меня задеть.

— Может, это я вырубил себя на несколько суток вместо того, чтобы прочитать свою вонючую документацию?! — Наверное, настоящая Клара тоже та ещё истеричка, иначе чем объяснить то, что я вскакиваю и злобно топаю за дверь, хлопая ею так, что у моего собеседника что-то падает со стены.

— Идиотка!

Но я уже не слушаю, наверное, это во мне врубилась «гены» Клары, отвечающие за взрывной характер. Ну а вообще

он разговаривал со мной по-хамски. Может, я и не человек, но имею право не терпеть такого обращения. А имею ли? На секунду замираю — а вдруг я действительно обязана прислуживать? Выполнять роль робота-пылесоса? Но раз я об этом ничего не знаю, то и потакать хаму тоже не буду.

Возвращаюсь обратно на своё место на кухне, смотрю на сумку, которую Кирилл затолкал в самый дальний пыльный угол, и решаю пойти обустроиться в одной из комнат. Даже если они жили вдвоём, зачем им снимать квартиру со столькими помещениями?

Самая ближайшая комната оказывается полностью пустой — видимо, хозяин сделал ремонт и решил поскупиться на мебель. Но я и не человек, чтобы мечтать о роскошных перинах и шкафе-купе. Маленькое темноватое помещение с узкой кроватью, на которой покрывало лежит поверх голого матраса, а также с небольшим письменным столом и шкафом. Интересно, использовали ли хозяева эту комнату хоть когда-то? Всё пустое и в пыли.

Пока навожу порядок, отмечаю, что этот странный внутренний зуд притупился — ну конечно, я же заняла мысли уборкой. Видимо, доппельгангерам противопоказано безделье. А вот прокрастинацию я у себя отмечаю — отчего-то так не хочется лезть в сумку за своей документацией, что предпочитаю делать всё, что угодно, даже протираю карниз.

— Не слишком старайся.

Я чуть не валюсь с табуретки от неожиданности.

— Я согласился держать тебя тут ровно один месяц. Потом поедешь либо к своему отцу... — Многозначительная пауза, которую я не расшифровала. — ...либо на утилизацию.

— Утили... что?! Ты с ума сошёл?! — Я спрыгиваю с табуретки и оказываюсь нос к носу со спокойным, как скала, Кириллом. — Я живой человек, и ты не имеешь права отправлять меня на какую-то там утилизацию! — Снова не знаю, почему это вырвалось. Просто в один момент перестала здраво соображать и взорвалась.

— Ну ты мне и не принадлежишь, ты собственность DoppelEngineering. — И он опять уходит, оставляя меня в замешательстве, полной самых противоречивых чувств. Все ответы в документации, теперь тянуть уже некуда, поэтому иду её читать. Я не собственность семьи Клары? Интересно.

Забираюсь на кровать и начинаю рыться в спортивной сумке, притащенной из кухни. Несколько сменных комплектов джинсов с рубашками — предполагается, что базовый наряд работа — это рубашки, интересно. Я бы одела всех в спортивные костюмы. Какие-то бумажки... гарантия!

— Модель Doppelganger-13/8. Техника безопасности: держать дальше от открытого огня, бла-бла-бла... — читаю вслух, пробегаюсь глазами, но не нахожу ничего помимо предупреждений и совсем общих описаний. Ни психического устройства искусственного интеллекта, ни других деталей. Откуда я должна это взять? Интернет? Я беспомощно обво-

жу взглядом совершенно пустую пыльную комнату. Могу, конечно, попросить Кирилла открыть мне браузер на компьютере, но есть ли такое в открытом доступе? Или найти другого доппельгангера и пообщаться с ним?

Перерываю сумку ещё несколько раз, и ничего. Сменный аккумулятор всё ещё лежит на кухне, а здесь только одежда и эта маленькая брошюра в файлике.

Не мог Кирилл вытащить основную документацию, пока я была в отключке? Поднимаюсь, хотя в теле снова, как и сразу по приезде, ощущение, что хочется просто сесть и не вставать. Усталость? Быть может. Аккумулятор же вроде держится месяц, не должен был сесть.

— Ну круто, и у роботов под конец дня болит спина, — ворчу и иду к Кириллу в комнату. Слишком поздно слышу поворот ключа во входной двери — хозяин квартиры куда-то ушёл, не успела задать ни одного вопроса. Ну, может, оно и к лучшему, осмотрю его комнату и поищу ответы на свои вопросы.

Сказать по правде, мне очень хочется найти альбом с фотографиями и глянуть, насколько правдивую информацию в меня загрузили. В компьютер до прихода Кирилла точно не зайти, поэтому начинаю обходить комнату, заглядывать по углам и выдвигать ящики шкафов и тумбочки. На столе хлам и остатки чипсов, но среди этого всего стоит фотография в рамке, на которую я смотрю и снова ощущаю жгучие языки пламени в груди. Девушка и юноша — Клара и Ки-

рилл — в обнимку стоят на берегу, кажется, Чёрного моря. Этого снимка в биографии не было. Знаю, что они дружили с детства, но от этого фото веет одновременно и лучшими друзьями, и первой любовью во всей её красе. На рамке и стекле отсутствует пыль — Кирилл действительно не хочет забывать о ней. Пустота внутри нагнетается всё сильнее. Будто кто-то раскрыл меня и вытягивает поочерёдно, одну за одной платы внутренностей.

Я уже поняла, что во всём виноваты мысли о Кларе — что-то в теле начинает реагировать на попытку наложить чужую жизнь на себя.

Начинаю по одному открывать ящики стола и тумбочки. Если бы документация была выкрадена Кириллом из сумки, я бы уже сто раз нашла её. Но всё равно роюсь везде, где только можно. И плевать, что никто не разрешал, а хозяина нет дома. Мне нахамили, меня испугали, почему я не могу тоже совершить что-то, что делать не положено?

Заглядываю под кровать и выдвигаю прозрачный пластиковый ящик. Судя по всему, тут хранятся лекарства — уголь, куча антигистаминных, пластыри всех типов и форм.

— А вот есть ли внутри меня какой-то аналог крови... это мы когда-нибудь проверим, — бубню вслух, крутя в руках баночку с перекисью водорода. Почему-то о своих внутренностях я знаю только то, что по всему моему телу разбросаны чипы, которые чем-то, ну, наверное, проводами соединяются между собой. А ещё есть этот мешочек в животе, куда

поступает всё, проглоченное через рот. Оно так и остаётся в мешочке и может там сгнить — запах будет не из приятных.

Вены очень искусно нарисованы на коже — что-то вроде качественных татуировок на силиконе. Нашу кожу вы никогда не отличите от настоящей. Это касается и узора пальцев, и линий на ладонях — текстура продумана до мелочей, очень эффектно. Знать бы ещё, какому *настоящему* отцу мне говорить спасибо за такие старания. Очнись я в теле простого дискообразного робота-пылесоса, стала бы первым в мире искусственным интеллектом, словившим депрессию, поскольку мне безумно нравится вся эта детализация кожи, хоть я ещё и не заглядывала под одежду.

В столе, тумбочке, мешках с вещами на полу не находится ничего интересного. В шкафу всё ещё хуже — тонны шерстяных вещей и семейства моли.

— Любитель бабушкиных свитеров и рейтузов, — ворчу ещё сильнее и оглядываю комнату в поисках мест, куда пока не успела сунуть свой нос. Где-то должно быть хоть что-то. Если он выкрал мою документацию, то не станет таскать её с собой, а спрячет здесь. А если никакой документации мне не положили? Опять же в этом нет смысла, к любому утыгу заставляют взять подробную инструкцию.

Усаживаюсь на кровать и в отчаянии бью руками о покрывало. Неожиданно ладонь сталкивается с чем-то маленьким и твёрдым. Под матрасом явно припрятано что-то размером с кулак. Скорее всего, это заначка чего-то запрещённого, что

ещё может хранить молодой парень у себя дома под... матрасом?

— И ведь спать же неудобно, принцесса на горошине. — Опускаюсь на пол и приподнимаю матрас из бортиков кровати. И действительно, на досках лежит какой-то кулёк, завернутый в целлофановый пакет и для пущей осторожности перемотанный пару раз красной изолентой.

— Идиот, да кому нужно знать, что ты ку... — Удивлённо замолкаю, потому что в кулке оказывается что-то очень тяжёлое и, судя по всему, металлическое.

Под изолентой в пакете видна бумажка. Размышляю, стоит ли игра свеч — сейчас я неимоверно нарушаю личные границы, не будь я просто-напросто программой, при желании можно было бы приплести мне административку. Если человек прячет что-то под матрасом, последнее, чего он хочет, — чтобы эту вещь нашли. Но всю остальную комнату я уже осмотрела: вообще ничего, что могло бы рассказать о Кларе. Ну и документации своей не обнаружила. В любом случае терять мне нечего, да и спрячу потом всё так, что Кирилл и не заметит. Я разрываю целлофан и цепляю пальцем под изолентой маленький клочок бумаги.

Кривым почерком на мятом обрывке тетрадного листа написана всего одна фраза: «Не используй раньше, чем потребуется». Меня смущают эти буквы, какие же до боли знакомые и родные, не побоюсь этого слова. Этот кулёк Кириллу отдала... Клара? У неё нет сестры-близнеца с таким же по-

черком.

— Бомба?.. — Я медленно оседаю на пол. Металлическое, похоже на шарик... всё сходится. Спать на бомбе — ну точно псих. Пальцем под металлическим шариком нащупываю ещё что-то — окончательно разрываю пакет и вижу, что передо мной ободранная старая чёрная флешка. От неё идёт маленькая цепочка к металлическому шару, который висит на ней как... брелок? Наверное, это какой-то изощрённый способ активации бомбы, поэтому на всякий случай я заталкиваю флешку обратно в то, что осталось от пакета, поверх записываю бумажку и кладу всё это снова под матрас.

А вдруг я активировала её тем, что разорвала пакет? Или потрогала флешку? И теперь всё взорвётся. Ну хотя бы сильной паники я не испытываю, потому что не умею. Поплотнее затыкаю матрас обратно в бортики кровати и смотрю, всё ли убрала на полу.

— Это не граната.

Похоже, каждый раз, когда мне предстоит встреча в собственном доме с его хозяином, я буду подпрыгивать до потолка от неожиданности.

— Ну и не бомба, если уж на то пошло.- Кирилл стоит, засунув руки в карманы штанов, облокотился на косяк двери и не выглядит ни чуточки обеспокоенным.

— Догадался, что тебя прислали шпионить за мной, думают, в этом есть смысл. Так вот, я не причастен к смерти Клары, ясно тебе? Так и передай своему начальнику.

Секунду жду, пока шестерёнки в голове забегают. Он думает, что его подозревают в подстроенной аварии, а я должна это... доказать?

— Ерунда, я ни о чём таком не знаю, хотя штука под матрасом действительно странная.

— Это не бомба, — по слогам повторяет Кирилл, — это головка от советской гантели, к которой кто-то припаял цепочку. Я приделал её к флешке через отверстие для брелков, чтобы не потерять саму флешку.

— Если ты хочешь, чтобы флешка была так заметна, зачем нужен этот матрас?

— О ней по-прежнему должен знать только я, но когда она мне понадобится, у меня не будет времени искать её по всей кровати — металлический шарик не даст ей сильно сдвинуться под матрасом.

Неубедительно, словно притягивают за уши, но у меня нет оснований не верить. В конце концов, до сих пор ничего не взорвалось, Кирилл спокоен как удав, хоть и немного раздражён.

— Шпионить меня точно никто не посылал, я бы об этом знала. — Гордо отрезаю и собираюсь пройти мимо него в свою комнату. — Прости, что хозяйничала, я хотела узнать хоть что-то о доппельгангерах или о Кларе, но не срослось.

Кирилл вытягивает руку перед моим лицом, останавливая меня.

— Меня не интересуют твои оправдания, я тебе не ве-

рю. Но скажу вот что. — Он на секунду прикрывает глаза и глубоко вздыхает. — Тебе бы хотелось, чтобы это оказалось бомбой, поверь мне. Не понимаю, как это не дошло до тебя сразу, но это... скажем так, тоже своего рода оружие, просто созданное знакомыми Клары, чтобы избавляться не от людей, а от таких, как ты.

Глава 3

— *Подумай только, моя тень сошла с ума, вообразила себя человеком, а меня называет — подумай только! — своей тенью!*

Г. Х. Андерсен, «Тень»

«...чтобы избавляться не от людей, а от таких, как ты». Я чувствую неприятную дрожь в коленях, цифровой страх — решаю обозвать эти ощущения пока что так. И причём тут знакомые Клары? Не могу припомнить никого значимого, кто мог передать ей флешку с... оружием?

— Ты же сказал, что... — слышу произвольную дрожь в голосе, — ... что я собственность своих разработчиков. Тебе же не нужно меня убивать?

Поднимаю голову и ловлю его взгляд — Клара любила эти глаза небесного цвета, мне же, вроде как, наплевать. Поражает, как быстро Кирилл отворачивается, будто ему время от времени становится противно на меня смотреть. Молча обходит и ждёт, пока я покину помещение. Мне не по себе, теперь я не отрываю взгляд от его спины и не двигаюсь с места.

— Пока ты не портишь мне жизнь, тебе нечего бояться, — наконец произносит Кирилл, и я медленно протискиваюсь мимо него и ухожу к себе.

Мне грустно и страшно — теперь я понимаю, что что-то ощущаю. Хочется зарыться головой в песок, поэтому я ложусь на жёсткую узкую кровать у себя в комнате и накрываюсь сменной блузкой из сумки — импровизированное одеяло, неожиданно дарящее чувство покоя.

Что-то, напоминающее скуку, тоже присутствует. Интересно, как ощущаются эмоции у живых людей? Понятное дело, что у меня другое представление о реальности, поскольку глаза, уши и нос чувствуют всё по-другому. Точнее, перерабатывают сигналы, информацию. Во мне есть базовые знания по основным наукам, поэтому я прекрасно знаю о рецепции и всём прочем. Необразованным робота точно не назовёшь. Единственное, я слишком смутно представляю себе школьный курс истории. Связано ли это с тем, что Клара ненавидела этот предмет? И именно поэтому в меня загрузили обрывки информации?

Зато я знаю кучу всего об искусстве. Эти тошнотные картины маслом, оно и понятно. Если кто-то ожидал, что робот покорно побежит за кисточкой и понесётся калякать, придётся его разочаровать. Думаю, я бы нарисовала математически выверенный шедевр, но... нет ощущения надобности. Трудно подобрать слова. Была бы живой, просто произнесла бы, что не хочу, рисование не моё. Но может ли робот не хотеть рисовать, если его прообраз был художником?

Размышляю на подобные высокие темы ещё минут двадцать, пока не ощущаю, что впадаю в состояние гибернации.

Если доппельгангер долго бездействует, он засыпает, как и люди. С той лишь разницей, что мы не видим снов, а это состояние длится до тех пор, пока нас не потревожат либо не пройдут сутки. Мысли становятся более ватными, ощущение тепла на веках, странная нега и комфорт — умеют же скопировать всё у людей. Хотя у них наверняка всё ощущается по-другому... поворачиваюсь на бок и слишком быстро проваливаюсь в состояние молочных рек и кисельных берегов. Не знала, что спать приятно даже роботам, буду делать это почаще.

Незаметно пролетели две достаточно однообразные недели. С Кириллом мы даже практически не пересекались. Время от времени он оставлял мне посуду для мытья, но всё остальное по дому намного эффективнее меня делал сам. Никто, кроме Лёши, к нему не заходил, дни он просиживал на работе, а вечером быстро проваливался в сон. По выходным родителей он не навещал, и у меня закрались мысли касемо их необычных взаимоотношений — ведь он даже не отвечал на их звонки, которые я пару раз краем глаза замечала.

Но по-прежнему никаких воспоминаний о Кларе. А со мной до сих пор никто не связался ни из научного центра, ни из семьи Клары. Откуда мне знать, каково быть ею?

И вот я стою перед зеркалом в ванной и чищу... нет, не зубы, а просто кожу — лицо, шея, зона декольте, руки. Пото-

му что через полчаса нам с Кириллом выезжать на свадьбу. Не уверена, что хоть кому-то на этой свадьбе нужна жалкая копия разбившегося оригинала, но мы едем из-за той половины людей, которые всё ещё считают Клару живой.

Мне даже дали красивое кремовое платье чуть ниже колена и лёгкий плащ из гардероба нашей отошедшей в мир иной любимицы.

— Плюсы быть мной — кожу и волосы не теряю, сесть не начну. — Верчусь перед зеркалом и даже показываю себе язык вот, получи, Клара! — А у вас, людей, одних штаммов гриппа хватит на уничтожение целого Марса. За нами будущее.

Закрепляю две прядки своего каре маленькой заколкой на затылке — простенько, но очень элегантно. Кремовые туфли под цвет платью мне тоже удалось достать, закрепляю ремешки и думаю, что же взять вместо клатча. Но, с другой стороны, у меня и вещей нет — ни телефона, ни денег, ни ключей. Я же сама вещь, оно мне не требуется.

Издаю короткий смешок, последний раз поправляю волосы и выхожу в прихожую.

Постараюсь даже забыть о существовании этого носа-картошки. И почему тот факт, что меня раздражает собственный нос, такой забавный?

Кирилл в недоумении оглядывает меня, он уже стоит у порога перед открытой дверью.

— Знаешь, мне не больно на тебя смотреть. И никогда не

было, — неожиданно произносит он. — Ты не напоминаешь её. Внешним видом — да, только у неё постоянно вскакивал прыщ на щеке, а у тебя нет. Ты больше похожа на близнеца с абсолютно другими повадками. Они так и не смогли сделать робота с её эмоциями.

Он такой спокойный, говорит сам как робот, ни малейшего проявления чувств. Если бы я могла краснеть, то уже спалила бы свою неловкость. Что отвечать-то?

— Ну... я и не она. Я даже не помню, как она красится, поэтому использовала только её тушь.

На самом деле мне слишком понравилось своё лицо в зеркале — ну кроме носа, само собой, — и я решила не портить такую красоту косметикой.

— Ладно, сильно опаздывать неприлично.

Это мой первый выход из дома с момента рождения — тоже хорошая шутка, которая и не смешная вовсе, если вдуматься.

На улице яркое солнце, сразу напомнившее то видео с моря, где небо отражается в водной глади, а волны бьются о камни и наши ноги. Вот там я бы очень хотела побывать до того, как меня утилизируют. В конце концов, а как же глаза цвета океана и шум прибоя?

Ну а в московских широтах осень окончательно вступила в свои права: несмотря на солнце, воздух ощущается прохладным, а большинство листвы уже облетело.

Мы садимся в эконом-такси, я ощущаю всю прелесть тес-

ного салона и бензинового душка в воздухе. Интересно, догадывается ли усатый дядька за рулём о том, что везёт кучку железа, силикона и проводов? Я же даже по весу не отличаюсь от обычной девушки, интересно.

Едем в полном молчании, Кирилл напряжён и принципиально смотрит в своё окно, лишь бы не пересекаться со мной взглядом. Водитель улыбается мне в зеркало заднего вида, и я неловко ухмыляюсь в ответ.

Мимо проносятся бесчисленные улицы — сначала я успела мельком рассмотреть Кузьминки, а затем мы полетели в незнакомые места на запад Москвы, и я была потрясена, когда машина проезжала мимо центра.

— Кремль... — Он ещё необъятнее, чем можно представить. Эта красная кладка, пол из булыжников.

Таксист на мои восхищения никак не реагирует — не приказано, да и подумал, наверняка, что перед ним приезжая из какой-нибудь совсем захолустной деревни.

А вот мы опять далеко от центра. Машина останавливается около гигантской утеплённой летней веранды, сегодня переоборудованной под место проведения высококлассной свадьбы.

Общее впечатление от путешествия по Москве: спальные районы вроде наших Кузьминок чередуются с пафосными зданиями стиля позапрошлого века, надо будет на досуге ознакомиться с историей столицы чуточку подробнее. А так предстоящее мероприятие важнее, забываю про поездку и

концентрируюсь на нём.

Повсюду снуют люди, мужчины — в чёрных костюмах, как у Кирилла, женщины — кто в чём. Глаза разбегаются, настолько вокруг много голосов и лиц.

— А вдруг будет кто-то знакомый, кого Клара знала, а я нет? Мои создатели, видишь ли, поскупились на информацию. — Я дёргаю за рукав Кирилла. Тот проводит рукой по идеально зачёсанным волосам и задумывается.

— Клара умела быть стервой, когда это необходимо, — произносит он, помогая мне снять плащ. — Полагаю, нет ничего зазорного в том, чтобы сделать вид, что ты просто кого-то не заметила, потому что думаешь только о себе.

— Ну, как скажешь. — Пожимаю плечами и уже собираюсь отправиться искать родителей — уж Николая Ивановича я узнаю из тысячи по одному только смеху, — как внезапно твёрдая рука Кирилла сжимается на моей ладони.

— Только со мной. Глупости мне не нужны.

Молчаливо соглашаюсь, одной мне, в конце концов, ходить несколько боязно. Мы продираемся сквозь толпу пожилых людей, которые даже не смотрят в нашу сторону, и оказываемся у столика на четверых в самом тихом углу веранды.

— Кого я вижу! Кларочка, ты ж мой любимый умный дом! — Не успеваю я опомниться, как меня стискивает в объятиях не кто иной, как Лёша. — Как ты? Этот изверг хорошо с тобой обращался?

— Эй! Со своей умной лампой будешь так общаться, а к

моей железяке не приставай! — смеётся Кирилл и тоже лезет обниматься к другу.

— Я в шоке, и ты её до сих пор не утопил? — Из-за стола поднимается миниатюрная шатенка с прямыми распущенными волосами до пояса. У неё невероятно красивое кукольное личико — как я сразу отмечаю, без всяких носов-картошек — и очень аккуратная изящная фигура. Если это и есть та Саша, более крупная и неказистая Клара вполне могла видеть в ней соперницу. Девушка подбегает и тоже набрасывается на Кирилла.

Погодите, она сказала «не утопил»? Я снова в небольшом ступоре, пытаюсь понять, что же могли означать эти слова. В интонации не было агрессии, тогда что? Может, она всё же меня недолюбливает, как и говорилось в моих воспоминаниях?

— Знакомься, это Киберклара, — Лёша шутливо раскланивается передо мной, — а это Саша, май гёрлфренд Александра.

— Тьфу, прекрати, — шикает Саша и безо всякой злобы или циничности бегло осматривает меня. Единственное, что читаю на её лице — осторожность и лёгкий страх перед неизвестностью. — Очень приятно, Клара. У нас с Лёшей есть близкие-доппельгангеры. Я рада познакомиться с ещё одним. А теперь давайте уже сядем и закажем еду.

Я хочу спросить, что же означала фраза «не утопить» и были ли они с Кларой подругами, но все занимают свои ме-

ста и начинают читать меню, поэтому я так же стараюсь делать вид, что мне есть дело до разницы между Цезарем и сырной тарелкой.

— Помните, мы в Евпатории пробовали пасту из гречневой муки? Так вот, тут есть из кукурузной!

— Налетели трое с голодного края.

— Да уж. Я специально с вечера ничего не ел, чтобы наш стол вышел самым дорогим среди всех гостей.

Молчу и думаю о том, что потом придётся очищать мой не совсем классический кишечник от еды и любых видов напитков, даже от алкоголя. На свадьбе же нельзя не пить, если не хочешь стать самым скучным. Да, доппельгангеры не пьянеют, но тут важен сам факт, что вы пьёте наравне со всеми, эдакий командный дух.

— Надеюсь, мы подружмся. — Саша искоса поглядывает на меня, наливая себе воду из фужера.

— Ты робот-пылесос не могла освоить, о чём мы говорим! — ржёт Лёша.

— Я не помню всех деталей из жизни настоящей Клары, но ты должна мне не нравиться, — естественно, не хочу никого обидеть, но чувствую необходимость озвучить этот факт как данность. — И когда мы ехали на море, я разбила стакан тебе об голову. Но о причинах наших ссор я могу лишь догадываться. А так сейчас ты мне очень даже нравишься, ты похожа на русалку.

Стол замолкает, а затем Саша заливается раскатистым

смехом.

— Красотка! — сквозь проступившие слёзы говорит она и хлопает меня по плечу. — И ты мне нравишься. Кир, твой отец гений.

Кирилл заметно съёживается и опускает глаза — ему явно стало внезапно очень неприятно. Повисает неловкая пауза. Не понимаю, что происходит, но натягиваю улыбку и решаю сменить тему:

— Ребята, а почему мы все на этой свадьбе? Ну про себя я знаю, я вроде как двоюродная сестра. Ну Кирилл, допустим, мой парень. А вы тут причём? Если я почти не общалась с невестой, вы-то тем более?

— Эля? Кстати нам скоро надо будет пройти их поздравить. Успеем до церемонии. — Лёша окидывает огромную веранду взглядом. Жениха и невесты всё ещё не видно. — Она славная девчонка. Ты не знаешь разве, что наши семьи и твоя — деловые партнёры? Иначе мы бы вчетвером не оказались повязаны с самого детства.

Перевариваю информацию. Семьи — деловые партнёры? Почему мне об этом говорят только сейчас?

— Ты ей не сказал? — Саша пихает в плечо Кирилла. — Почему это вообще в неё не встроено? Это же часть семейного древа и всё такое.

Смотрю то на одного, то на другого. Кирилл ещё больше мрачнеет и отворачивается.

— Подождите... выходит, Николай Иванович, мой зло-

счастный папа, деловой партнёр всех ваших семей? — пытаюсь отыскать глазами знакомое самодовольное лицо так называемого отца, но никого не нахожу. Может, не пришёл ещё.

— Да, главный технический специалист DoppelSoft, вы с ним отвечаете за доработку софта доппельгангеров. А папа Кирилла — бывший генеральный директор DoppelEngineering. Мой отец — креативный директор в компании твоего отца, а отец и мать Лёши — ведущие тимлиды в DoppelEngineering. Фух, вроде всё. — Саша машет официанту и утыкается в меню, давая понять, что разговор окончен.

Пытаюсь всё осмыслить и перевожу взгляд на Кирилла. Тот побледнел и уткнулся руками в подбородок, колено под столом непроизвольно подёргивается. Пока Саша и Лёша делают заказы, решаю попробовать выяснить, что с ним.

— Кирилл?..

Не успеваю я дотронуться до его запястья, как он вскакивает, заставляя стул со скрежетом проехать по плитке, и быстрым шагом уходит куда-то в сторону туалетов.

Ну отлично, я сделала что-то не то. Или не одна я. У него натянутые отношения с отцом? Ну да, я так и думала, поскольку он избегает даже телефонных разговоров с родителями. Но и помыслить не могла, что до такой степени — лицо за минуту приобрело оттенок фарфора. Может, отец его бил? В это я могу поверить, но хотелось бы знать наверняка.

— Девушка, вы что будете?

Вздрагиваю и смотрю на милого парня, на вид ещё старшеклассника.

— Я... да наверное, Цезарь и морс, — выпаливаю первое, что пришло на ум. По-любому я никогда не узнаю, какое оно всё на вкус — рецепторы способны воспринимать лишь базовые ноты.

Официант уходит, а я слежу за реакцией новых друзей. Ни один из них даже не посмотрел в сторону Кирилла.

— Это нормально?

— Что ты имеешь в виду? — Саша глядит на меня.

— Ну вот что он просто взял и ушёл. Его бил отец?

Ребята усмеваются, но не так весело, как мне хотелось бы. Скорее, с долей иронии и сожаления.

— Нет. Валентин, папа Кирилла, теперь такой же, как ты, — с горечью произносит Лёша, — а так он был самым близким человеком Кира. Это были идеальные отец и сын.

— Хочешь сказать, Кирилл не принял доппельгангера отца? Но ведь наша задача — смягчать утрату.

— Думаю, золотце, эта метода, как и любая другая, не может подходить всем. У нас в штате полно психологов, но никто из них не заставит робота стать ожившим мертвецом. Ты просто искусственный интеллект, которому сказали быть как Клара.

Слова Лёши неприятными комьями оседают в груди. Он милый, не пытается меня обидеть, но, конечно же, ему важно

сказать правду.

— То есть он не общается с родителями, даже с живой мамой, только из-за того, что папа — робот?

— Скорее, сама мать избегает его и прячет то, что осталось от отца, — пожимает плечами Саша, — то есть своего нового доппельгангера.

Они с Лёшей переглядываются и смотрят, не возвращается ли Кирилл.

— Думаю, мне будет нужно найти их, а также отыскать своих родителей. — Я уже собираюсь подняться, как внезапно официант приносит часть блюд.

— О, милая, не думаю, что дядя Коля с женой уже тут. Для них же это не праздник, а так, событие из разряда «прийти и показать уважение». — Лёша накалывает на вилку креветку и ловко отправляет её в рот.

— А почему Кирилл не может просто принять тот факт, что у его матери теперь жизнь с роботом?

— Считает эту опцию издевательством над умершими. Многие при жизни не успели подписать соглашение о так называемом цифровом бессмертии, а доппельгангеров родня всё равно купила.

— Но это уже не проблемы умерших, я не думаю, что им есть дело до андроидов.

— Мир живых, Клара, относится к миру умерших с таким трепетом, какой тебе и не снился. Именно поэтому мы и наблюдаем бесчисленные акции и митинги, направленные на

запрет разработки доппельгангеров. — Лёша вытирает рот, поднимается и не спеша идёт в ту сторону, куда скрылся Кирилл. — Проверю его.

Мы остаёмся вдвоём с Сашей. Я ощущаю неловкость, может, из-за каких-то воспоминаний настоящей Клары, а может, девушка передо мной просто напряжена и поглядывает на меня всё с той же осторожностью.

— А доппельгангер отца не обижается на Кирилла? — мелькает мысль заполнить неловкую тишину ещё более неловким вопросом.

— Ну, может, и скажет пару слов, но он физически не запрограммирован на обидчивое поведение. Более того, он осведомлён, что произошло с предыдущим доппельгангером.

Выжидающе смотрю на неё. Может, вот он, ключ к разгадке тайн.

— Первого доппельгангера отца он поджёг, как только представилась возможность. Те модели были легко воспламеняющиеся, и наш Кир спокойно плеснул в лицо своему киберпапе бензин, а затем бросил спичку. Раз ты жива, здорова и сногшибательна, вероятно, что-то в его голове с тех пор изменилось, поскольку он должен был тебя ненавидеть.

— Супер! И меня всё равно отослали жить к нему. Отличная идея, папа и господа разработчики! Хотя вы же все практически одно целое. — Кривлюсь и цепляю вилокй листья салата — как я и думала, никакого вкуса.

— Ты и впрямь забавная. Есть черты Клары, но ты не точь-в-точь она. Но и не такая нудная, как дед Лёши. Вот кто точно хорошо отреагировал, так это Лёша. Сначала ему было не по себе, но сейчас он уже безумно любит нового деда.

— Мы не люди, мы всё ещё предметы, мы неживые, это надо понимать, — усмехаюсь я, — вы никогда не будете изучать нас на уроках биологии, потому что мы не состоим из клеток.

— Вирусы тоже не состоят из клеток, но мы проходили их на биологии, — замечает Саша, — и кстати откуда ты знаешь про вирусы и биологию?

— Я знаю всю школьную программу и как рисовать масляными красками. — Недовольно поджимаю губы. — Но желание что-то калякать у меня отсутствует.

— Интересненько. А чем бы ты хотела заниматься? — вопрос Саши ставит меня в ступор.

— Я робот. Я не могу хотеть, моя обязанность — выполнять, — отвечаю самым очевидным очередным скриптом.

— Если бы ты была «просто роботом», тебя не звали бы Смирновой Klarой Николаевной. Ты робот, имитирующий личность, а у каждой личности есть хотелки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.